

Это могут быть минуты. А может, и часы. Вейдер не двигается с места и не ослабляет хватку на Энакине, пока тот плачет. Он может только представить себе, как тяжело ему было узнать всю степень повреждений, полученных Вейдером на Мустафаре, и боль младшего только усиливается его собственной. Он больше не может плакать, а если бы и мог, то, по его мнению, слишком оцепенел для этого. С этой истиной он живет каждую секунду своей жизни с тех пор, как старый хозяин бросил его умирать медленной и мучительной смертью. Он уже привык к этому.

Но все же... утешает осознание того, что никто из них больше не будет одинок. Если одному из них трудно, другой протянет руку помощи. А если их обоих затягивают внутренние конфликты, то, по крайней мере, они будут делать это вместе. Это... странная концепция, к которой Вейдер не привык. Сколько он себя помнит, он всегда был одинок в той или иной степени. На Татуине он был единственным, кто мог защитить его мать. Среди джедаев он был чем-то вроде изгоя, его принимали за силу и полезность, но он так и не смог влиться в коллектив. Даже под властью Империи он так и не стал своим. Он был атакующей собакой Императора, и его заточение в costume жизнеобеспечения гарантировало, что он навсегда будет отделен от окружающих его людей.

Энакин слегка отстраняется и смахивает слезы с лица. Он не чувствует стыда за свой срыв, а лишь смиряется с будущим и тем, что оно может принести им обоим. Правая рука Вейдера подергивается, когда он борется с собственной неловкостью. Прошло всего семь лет с тех пор, как он в последний раз общался с другими людьми - не на поле боя, не на Звездных разрушителях и не со слугами. Как он мог забыть о том, как себя вести? Раньше такого не было. Он всегда был очень чутким к эмоциям других людей, интуитивно понимал, чего они хотят или в чем нуждаются, даже не спрашивая об этом.

После паузы он положил свой протез в перчатке на плечо Энакина, молча давая младшему почувствовать его неизменную поддержку. Эмоции - это беспорядок, путаница... и разочарование. Порой он ненавидит их, а себя - за то, что, несмотря ни на что, сохраняет способность чувствовать. Разве не существует поговорки о том, что опыт и травмы закаляют человека? Верно ли это для него? В какой-то степени да, но иногда, как сейчас, Вейдеру кажется, что он скорее привык скрывать свои чувства, чем стал невосприимчив к боли и страданиям других... и себя самого.

Но с другой стороны, возможно, половина того, что он сейчас чувствует - особенно интенсивность - исходит от Энакина. Сила, это так запутанно. Даже если бы Вейдер хотел разорвать их связь, у него не хватило бы на это сил. Она слишком сильна, слишком подавляющая. И более того, он слишком сильно этого хочет, ему необходимо ощущать яркий свет присутствия рядом с собой. Сейчас он может потерять себя на Темной стороне, полностью отдаться ей, но он может сделать это, зная, что сможет вернуть себя обратно, потому что Энакин - его якорь.

Писк сигнализации возвращает их обоих в настоящее, и Энакин поворачивается к панели управления. "Мы на месте", - объявляет он, садится в кресло пилота и щелкает рычагом, выводя их из гиперпространства.

Шаттл трясется, вибрируя под сапогами Вейдера, когда он садится рядом с Энакином.

Перемены, произошедшие с младшим, поразительны, и со стороны трудно понять, насколько сильно его изменила война. На лице Энакина нет и следа эмоциональности, не считая нескольких признаков срыва. Его разум полностью заблокировал все эмоции, приглушив их до такой степени, что он сосредоточился на цели, стоящей перед ним. Вейдер, конечно, такой же - но от этого не менее неприятно видеть, как этот... ребенок ведет себя подобным образом.

Энакину всего двадцать один год, он всего на девять лет моложе самого Вейдера, но разница в возрасте все равно достаточна для того, чтобы Вейдер воспринимал своего коллегу как... Нет. Он не смеет навешивать ярлык на то, чем они являются друг для друга, потому что осознание того, что у него есть эта слабость, что ему снова могут причинить боль, станет его гибелью. Поэтому он пускает все на самотек, отбрасывая все эмоции в сторону, чтобы сосредоточиться на предстоящей миссии. Он тянется к своей ненависти, которая резко контрастирует с непоколебимой любовью к Энакину, и позволяет ей - и Темной стороне - затопить его, наполнив силой. Он притягивает его к себе, позволяя трепету предстоящей дуэли заполнить его. Он такой, какой есть, и он не будет этого стыдиться.

"Нам нужен код доступа, - хмуро говорит Энакин. "Они нас засекли". "Они" - это массивные Звездные разрушители Сепаратистов на орбите Серенно. Конечно, родная планета Дуку не останется без охраны.

Вейдер ухмыляется под своей маской. Дуку никогда не узнает, что его поразило. "Предоставьте это мне", - загадочно отвечает он и протягивает руку, отвечая на входящий сигнал, только аудио.

"Неопознанный шаттл, назовите свое дело", - приказывает дроид.

"У нас срочные дела с графом", - отвечает Вейдер, отправляя коды доступа, которые он знает только из будущего. Рискованно полагать, что коды, позволившие ему невредимым приземлиться на Мустафаре, когда он казнил Совет сепаратистов, сработают и здесь, но он уверен в их способности приземлиться, если враг решит их атаковать.

"Можете приступать", - сообщает дроид после долгой паузы.

Вейдер даже не пытается скрыть свое самодовольство, когда Энакин опускает шаттл на землю. "Следуйте за мной", - говорит он младшему. "Мы здесь, чтобы убить Дуку. После этого я возьму на себя управление, вместо графа".

Энакин слегка пожимает плечами. "Звучит неплохо", - соглашается он, совершенно не удивляясь безумию этого предложения. Должно быть, он, как и Вейдер, чувствует, что Сила с ними, шепчет слова победы и успеха. "Ты уверен, что сможешь это сделать?"

Он издает недоверчивый звук, который, вероятно, звучит глупо через вокодер, но он знает, что Энакин все равно может почувствовать его недоверие, так что это не имеет большого значения. "Я провел достаточно лет при дворе Императора, чтобы понять, как устроена игра в политику", - сообщает он младшему.

В Энакине вспыхивает что-то меланхоличное и горько-сладкое, но Вейдер не настаивает, давая ему время подумать и разобраться в собственном внутреннем конфликте без подсказок. Когда он будет готов говорить, он это сделает. Энакин доверяет ему, в отличие от своего бывшего Мастера. Он знает, что Вейдер не станет отвергать его чувства или злоупотреблять ими. "Он был моим наставником, нашим другом", - начинает Энакин, и Вейдер сразу же понимает, к кому он обращается. Энакин неподвижно смотрит в обзорный экран, начиная посадочный цикл. "Он использовал нас, предал нас..." Предательство пронзает младшего, смешиваясь с болью, и Вейдер протягивает руку, чтобы сжать его плечо, приземляя его.

<http://tl.rulate.ru/book/103113/3575952>